

АБРАХАМ
МЕРРИТ

АБРАХАМ
МЕРРИТ

СЕМЬ ШАГОВ
К САТАНЕ
ЛИК В БЕЗДНЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

М52

Серия « Вселенная Стивена Кинга»

Перевод с английского *А. Грузберга*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Меррит, Абрахам.

М52 Семь шагов к Сатане. Лик в бездне : [сборник] / Абрахам Меррит ; [перевод с английского А. Грузберга]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Вселенная Стивена Кинга).

ISBN 978-5-17-160617-6

Абрахам Меррит (1884—1943) — американский писатель и журналист, один из «отцов-основателей» жанра фэнтези. Прижизненная популярность его как автора была настолько велика, что в 1930-х годах состоялись три экранизации его романов. А через несколько лет после смерти Меррита, в конце 40-х годов, была предпринята попытка издать журнал, названный его именем, «Abraham Merritt's Fantasy Magazine», который стал важной вехой в формировании американского фэндома.

В произведениях Меррита есть все, что мы успели полюбить в романах Г. Хаггарда, Э. Берроуза, Р. Говарда, — затерянные миры, забытые народы, неведомые существа.

В сборник вошли романы «Семь шагов к Сатане» и «Лик в бездне».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Перевод. А. Грузберг, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Семь шагов к Сатане

Часы пробили восемь, когда я вышел из дверей клуба Первооткрывателей и остановился, глядя вниз вдоль Пятой авеню. Остановившись, я вновь со всей силой испытал то неприятное ощущение слезки, которое удивляло и тревожило меня последние две недели. Станный покалывающий холод где-то под кожей с той стороны, откуда следят; какое-то необычное чувство звенящего напряжения. Особая чувствительность, присущая людям, которые большую часть жизни провели в пустыне или джунглях. Возврат к какому-то примитивному шестому чувству: все дикари обладали им, пока не познакомились с напитками белых людей.

Беда в том, что я не мог локализовать это ощущение. Оно накатывалось на меня со всех сторон. Я осмотрел улицу. Три такси стояли у обочины рядом с клубом. Они не заняты, а их водители оживленно разговаривают друг с другом. Не видно никаких зевак. Два стремительных автомобильных потока двигались вверх и вниз по авеню. Я изучил окна противоположного здания. Ни следа наблюдателей.

И все же за мной внимательно следили. Я это знал.

Сознание это приходило ко мне за последние две недели в разных местах. Время от времени я чувствовал присутствие невидимых наблюдателей в музее, куда я пришел взглянуть на юнанийские нефриты: именно я дал возможность старому богачу Рокбилту поместить их здесь, что заметно усилило его репутацию филантропа; чувство это приходило ко мне в театре и во время верховой прогулки по

парку; в брокерской конторе, где я следил за тем, как деньги, принесенные мне нефритами, превращаются в ничто в игре, о которой я — приходится это признать — знал меньше чем ничего. Я чувствовал слежку на улицах, но этого следовало ожидать. Но я чувствовал ее и в клубе, а вот этого ожидать было нельзя, и это больше всего меня беспокоило.

Да, я находился под непрерывным наблюдением. Но почему?

Сегодня вечером я решил это узнать.

От прикосновения к плечу я подпрыгнул и сунул руку под пальто, где у меня висел пистолет. И тут же понял, как сильно загадка подействовала мне на нервы. Повернувшись, я чуть глуповато улыбнулся огромному Ларсу Торвальдсену, который всего несколько дней назад вернулся в Нью-Йорк после двухлетнего пребывания в Антарктиде.

— Нервничаешь, Джим? — спросил он. — В чем дело? Заложил за галстук?

— Ничего подобного, Ларс, — ответил я. — Думаю, просто слишком много города. Постоянный шум и движение. И слишком много людей, — добавил я с искренностью, о которой он и не подозревал.

— Боже! — воскликнул он. — А по мне, так это хорошо! Я этим объедаюсь — после двух лет одиночества. Но, наверно, через месяц-два буду испытывать то же самое. Я слышал, ты скоро снова в путь. Куда на этот раз? Обратно в Китай?

Я покачал головой. Не хотелось говорить Ларсу, что направление, в котором я двинусь, целиком определяется тем, что мне подвернется за время, пока я потрачу шестьдесят пять долларов в бумажнике и семь двадцатипятицентовиков и два десятицентовика в кармане.

— У тебя что, неприятности, Джим? — Он более внимательно посмотрел на меня. — Если есть, я был бы рад... помочь.

Я опять покачал головой. Все знали, что старый Рокбилт был необыкновенно щедр из-за этих дьявольских

нефритов. У меня своя гордость, и хотя меня потрясло мгновенное исчезновение золотого запаса, который я рассчитывал превратить в барьер перед любыми заботами на всю оставшуюся жизнь, чтобы быть независимым от любых случайностей, я все же не собирался рассказывать Ларсу о своей глупости. К тому же дела вовсе не так безнадёжны, и я не бездомный бродяга в Нью-Йорке. Что-нибудь подвернется.

— Подожди меня, — сказал он, когда кто-то окликнул его из клуба.

Но я не стал ждать. Ещё меньше, чем о своей неудачной игре, хотелось мне рассказывать ему о моих наблюдателях. Я пошел по улице.

Кто же следит за мной? И зачем? Кто-нибудь из Кията, идет за мной с той самой древней гробницы, где я добыл сокровища? Ки Ванг, конечно, разбойник, хотя и получил хорошее образование в Корнуэлле, не стал бы посылать за мной шпионов. Нашу — скажем так — сделку, хоть и необычную, он считал завершившейся, несмотря на свой проигрыш. Каким бы бесчестным он ни был в картах, это не тот человек, который нарушает свое слово. В этом я уверен. К тому же он не стал бы так долго медлить перед ударом. Нет, это не люди Ки Ванга.

Был также этот липовый арест в Париже, который должен был устранить меня на несколько часов; об этом свидетельствовало состояние комнаты и багажа, когда я вернулся. Вернулся, несомненно, намного раньше, чем предполагали воры, так как быстро раскрыл подлог; свое внезапное появление я, несмотря на болезненный ножевой порез, вспоминал с удовольствием: у одного из моих караульных была сломана шея, а у другого голова мало о чем сможет думать в ближайшие несколько месяцев. Была и вторая попытка: автомобиль, в котором я ехал на пароход, задержали между Парижем и Гавром. Попытка могла бы быть успешной, если бы броши с нефритами не были упакованы в багаж знакомого, который добирался к тому же пароходу на обычном поезде; кстати, он считал,

что везет старинную посуду; будто бы я не доверяю ее другим сопровождающим.

Принадлежат ли наблюдатели к той же банде? Они должны знать, что теперь нефриты не у меня, они в безопасности в музее. Я больше не представляю интереса для этих разочарованных господ, если, конечно, они не хотят отомстить. Но это никак не объясняет постоянное, вкрадчивое, терпеливое наблюдение. И почему они не ударили раньше? У них была для этого масса возможностей.

Что ж, кем бы ни были наблюдатели, я решил дать им возможность добраться до меня. Я заплатил по всем счетам. Шестьдесят шесть долларов и девяносто пять центов в кармане составляли все мое земное богатство, но никаких долгов у меня не было. В какой бы неизвестный порт я ни направлялся с обломанным рангоутом и опустошенными палубами, за мной не оставалось невыполненных обещаний.

Да, я решил выманить врага, если это враг, из укрытия. Я даже выбрал место, где это должно произойти.

Во всем Нью-Йорке самое одинокое место в восемь часов октябрьского вечера, впрочем, как и любого другого, то, которое днем наиболеелюдно. Нижняя часть Бродвея, лишившаяся дневных орд, его каньоноподобные стены молчаливы, а пересекающие меньшие каньоны более пусты и тихи, чем их дикие собратья. Именно туда я собрался идти.

Когда я сворачивал на Пятую авеню от клуба Открывателей, мимо прошел человек, чья походка и осанка, фигура и одежда показались мне странно знакомыми.

Я остановился, глядя, как он неторопливо поднимается по ступеням клуба.

Затем, странно обеспокоенный, пошел дальше. Что-то необыкновенно знакомое, пугающее знакомое было в этом человеке. Что это? Направляясь к Бродвею, я продолжал ощущать присутствие наблюдателей.

Но, только дойдя до городской ратуши, понял, что мне показалось таким знакомым. Осознание это вызвало нечто вроде шока.

В походке и осанке, в фигуре и одежде — от легкого коричневого пальто и мягкой серой шляпы до крепкой малаккской трости — этот человек был — мной!

2

Я остановился. Естественней всего предположить, конечно, что сходство случайно; случайность крайне редкая, но все же случайность. В Нью-Йорке не менее пятидесяти человек, которых можно принять за меня — если не приглядываться. Но шансы на то, чтобы похожий на меня человек в данный момент был точно так же одет, почти равны нулю. Однако это возможно. Что еще можно предположить? Зачем кому-то сознательно копировать меня?

Но, с другой стороны, зачем кому-то наблюдать за мной?

Я остановился в нерешительности: не сесть ли в такси и не вернуться ли в клуб? Разум шептал мне, что видел я незнакомца лишь мгновение, что, возможно, меня обманула игра света и тени, что сходство — лишь иллюзия. Выругав свои натянутые нервы, я пошел дальше.

Миновав Кортленд-стрит, я стал встречать все меньше и меньше пешеходов. Церковь Святой Троицы напоминала деревенскую часовню. Молчаливые утесы зданий многочисленных контор окружили меня, я почувствовал удушающее давление: здания как будто спали и во сне раскачивались; их бесчисленные окна походили на ослепшие глаза. Но если они и были слепы, то другие глаза, ни на мгновение не отрывавшиеся от меня, вовсе не были слепы. Их взгляд становился более пристальным, более напряженным.

И вот уже никого вокруг. Ни полицейского, ни даже вахтера. Я знал, что вахтеры сидят внутри огромных каменных крепостей капитала. Я задерживался на углах, да-

вая наблюдателям возможность выйти, невидимому стать видимым. И по-прежнему не видел никого. И по-прежнему чьи-то взгляды не отрывались от меня.

С чувством некоторого разочарования я дошел до конца Бродвея и взглянул на Баттери-парк. Он был безлюден. Я подошел к стене гавани и сел на скамью. Паром, устремившийся к Стейтен-Айленд, напоминал большого золотистого водяного жука. Полная луна проливала поток дрожащего серебряного огня на волны. Было очень тихо — так тихо, что я слышал отдаленный звон колоколов Святой Троицы — прозвонили девять часов.

Я ничего не слышал, но неожиданно понял, что рядом со мной кто-то сидит. Приятный голос попросил прикурить. В огне спички, поднесенной к сигарете, я увидел смуглое аскетическое лицо, гладко выбритое, рот и глаза добрые, причем глаза слегка водянистые, как от напряженной работы. Рука, держащая спичку, длинная, стройная и хорошо ухоженная. Она производила впечатление необычной силы — рука хирурга или скульптора. Несомненно, профессионал, заключил я. Эту мысль подтверждали плащ-накидка и мягкая темная шляпа. Широкие плечи под плащом соответствовали впечатлению необычной физической силы.

— Прекрасная ночь, сэр. — Он отшвырнул спичку. — Ночь приключений. А за нами город, в котором возможны любые приключения.

Я посмотрел на него внимательнее. Странное замечание, особенно если учесть, что я, несомненно, вышел сегодня в поисках приключений. Но что, в конце концов, в этом странного? Может, во мне говорит преувеличенная подозрительность? Он не мог знать, что привело меня в это молчаливое место. Добрые глаза и лицо заставили немедленно отказаться от этой мысли. Какой-нибудь ученый, может быть благодарный парку за его тишину.

— Вон тот паром. — Он указал на гавань, очевидно не подозревая, что я его изучаю. — Сокровище потенциальных приключений. В нем молчащие Александры, безвест-

ные Цезари и Наполеоны, незавершенные Язоны — и каждый почти готов отвоевать золотое руно, — да, и несовершившиеся Елены и Клеопатры, и не хватает мелочи, чтобы завершить их и отправить завоевывать мир.

— Какое счастье для мира, что они не завершены, — рассмеялся я. — Сколько времени прошло бы до того, как все эти Цезари, Наполеоны и прочие вцепились бы друг другу в глотки и мир запылал в огне?

— Нисколько, — серьезно ответил он. — Нисколько, если бы они находились под контролем воли и интеллекта большего, чем сумма их воль и интеллектов. Мозг, более мощный, чем все они в совокупности, разум, планирующий за них, воля, более сильная, чем их воли, способная заставить их выполнить эти планы точно так, как их составил грандиозный мозг.

— В результате, сэр, — возразил я, — появятся не суперпираты, суперпреступники и суперкуртизанки, о которых вы говорили, а суперрабы.

— Меньше рабы, чем любые другие в истории, — ответил он. — Персонажи, которых я назвал в качестве типичных, всегда находились под контролем провидения — или Бога, если вы предпочитаете этот термин. Воля и интеллект, о которых я говорю, будут действовать эффективнее, они размещены в человеческом черепе благодаря ошибке слепой судьбы или Бога, который, разумеется, если он существует, должен наблюдать за множеством миров и у него нет возможности слишком внимательно следить за каждым индивидуумом, населяющим эти бесчисленные миры. Нет, мозг, о котором я говорю, будет использовать таланты своих слуг наиболее полно и не тратить их зря. Он будет достойно и справедливо награждать их, а когда найдет — наказание будет справедливым. Он не будет рассеивать тысячи семян по воле случая, так что лишь немногие найдут плодородную почву и прорастут. Он будет отбирать немногих, подбирать им почву и следить, чтобы ничто не мешало им расти.

— Такой мозг был бы больше судьбы или, если вы предпочитаете этот термин, Бога, — сказал я. — Повторяю: это кажется мне сверххрабством. Как хорошо для мира, что такой мозг не существует!

— Да, — он задумчиво затянулся, — но, видите ли, он существует.

— Неужели? — Я попытался сообразить, не шутит ли он. — И где же?

— Это вы скоро узнаете... мистер Киркхем, — холодно ответил он.

— Вы меня знаете! — На какое-то мгновение я подумал, что ослышался.

— Очень хорошо, — ответил он. — И тот мозг, в чьем существовании вы сомневаетесь, знает о вас — все, что необходимо знать. Он призывает вас. Идемте, Киркхем, пора!

Вот оно что! Итак, я встретил того, кого искал. Они — кем бы они ни были — наконец выступили в открытую.

— Минутку. — Я чувствовал, как при звуках этого высокомерного голоса, который только что казался мне таким вежливым, во мне просыпается гнев. — Кем или чем бы ни был пославший вас, ни он, ни вы не знаете меня так, как думаете. Позвольте сказать вам, что я не иду никуда, если не знаю, куда иду, и встречаюсь лишь с теми, с кем хочу. Скажите, куда вы хотите меня отвести, к кому и зачем. Тогда я решу, ответить ли мне на то, что вы называли... гм... призывом.

Он спокойно слушал. И вдруг рука его взметнулась и перехватила мое запястье. Я встречался со многими сильными людьми, но такого не встречал. Трость выпала из моей парализованной руки.

— Вам уже сказано все, что необходимо, — холодно ответил он. — Вы идете со мной — немедленно!

Он освободил мою руку, и я, дрожа от гнева, вскочил на ноги.

— Будьте вы прокляты! — воскликнул я. — Я иду, куда хочу и когда хочу... — И наклонился, чтобы поднять трость.

В то же мгновение он обхватил меня руками.

— Вы пойдете туда, куда хочет пославший меня, и тогда, когда он этого хочет, — прошептал мой собеседник.

Я чувствовал, как его руки обшаривают меня. И не мог освободиться, как будто был котенком. Он нашел маленький автоматический пистолет у меня под левой рукой и вытащил его из кобуры. Так же быстро, как схватил, он освободил меня и сделал шаг назад.

— Идем! — приказал он.

Я стоял, глядя на него и обдумывая ситуацию. Никто и никогда не имел возможности усомниться в моей храбрости, но, на мой взгляд, храбрость не имеет ничего общего с безрассудством. Храбрость означает холодное взвешивание всех особенностей чрезвычайного происшествия, определения того, сколько времени в вашем распоряжении, и затем действия в избранном направлении с использованием всех резервов мозга, нервов и мышц. У меня не было ни малейшего сомнения, что у загадочного посыльного поблизости скрывается множество помощников. Если я брошусь на него, что мне это даст? У меня только трость. А у него мой пистолет и, вероятно, собственное оружие. Как бы я ни был силен, он показал мне, что моя сила ничто в сравнении с его. Возможно, он даже рассчитывает на мое нападение, надеется на него.

Разумеется, я могу позвать на помощь или убежать. Оба эти выхода казались мне не только нелепыми, но и — учитывая возможных сообщников — бесполезными.

Недалеко находятся станция подземки и оживленная улица. Там, в ярком свете, я буду в сравнительной безопасности — если смогу туда добраться. Я пошел через парк к Уайтхолл-стрит.

К моему удивлению, незнакомец не возразил, вообще ничего не сказал. Он спокойно шел рядом со мной. Вскоре мы вышли из Баттери, невдалеке виднелись огни станции «Боулинг-Грин». Негодование и гнев мои рассеялись, их место заняла заинтересованность. Абсурдно предполагать, что кого-нибудь в Нью-Йорке можно заставить идти ку-